

к литературе, и в то же время «измерение Хармсом» этих текстов невозможно. Хармс в анекдотах о Ленинградском рок-клубе – это всего лишь имя, «авторитет андерграунда», лишённый текстуализации образец для подражания. С именем, но без поэтики Хармса рождается миф о ленинградской рок-тусовке как очередной стадии «большой русской культуры».

¹ См.: Черняков А.Н., Цвигун Т.В. Поэзия Е. Летова на фоне традиции русского авангарда (аспект языкового взаимодействия) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. - Тверь, 1999. - Вып. 2. – С. 86–94; Цвигун Т.В., Черняков А.Н. Александр Введенский и некоторое количество разговоров о рок-тексте // Русская рок-поэзия: текст и контекст. - Екатеринбург; Тверь, 2008. - Вып. 10. – С. 20–30.

² Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.ru>.

³ Наиболее полную (авторскую) подборку «хармсинок» см.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hronop.ru/?tid=5>.

⁴ Рудалева А. Хармсинки и коротасаринки. Вадим Демидов: «Мы были передним краем». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/person/2010-10-14/2_demidov.html. (Курсив наш - Т.Ц., А.Ч).

⁵ Вероятно, впервые этот цикл был связан с именем Хармса в издании: Хармс Д. Горло бредит бритвою: Случай. Рассказы. Дневниковые записи. - М., 1991. Ср. также наличие этого цикла в одном из последних изданий Хармса: Хармс Д. Нашествие смыслов: Проза. Трактаты. Письма. Тексты для детей. - СПб.; М., 2004.

⁶ См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://veselyerebiata.narod.ru/>.

⁷ См. об этом подробнее: Цвигун Т.В., Черняков А.Н. «Псевдохармс», или Авангардизм как популярная мифология (в печати).

⁸ Хармс Д. Нашествие смыслов... С. 177-178.

⁹ Там же. С. 171.

¹⁰ Там же.

¹¹ Здесь и далее анекдоты цит. по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hronop.ru/?tid=13>.

¹² Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. - М., 1997. - С. 223.

¹³ См.: Эко У. Роль читателя: Исследования по семиотике текста. - М., 2005.

¹⁴ См. об этом: Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). - М., 1996.

¹⁵ Хармс Д. Цирк Шардам: Собр. художеств. произведений. - СПб., 1999. - С. 846.

¹⁶ Хармс Д. Нашествие смыслов... С. 168.

© Т.В. Цвигун, А.Н. Черняков

Е.А. ГИДРЕВИЧ

Курск

ТЕМА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ПОЭЗИИ РУССКОГО РОКА

В поэзии русского рока распространена тема железной дороги. Каждый из поэтов связывает с железной дорогой свои мысли, надежды, впечатления. Несмотря на то, что в текстах есть общие моменты, авторы видят железную дорогу каждый по-своему.

Тема железной дороги была уже представлена статьей Якуба Садовски «Железная дорога в русской рок-поэзии перестройки и постсоветского

времени»¹. Автор пишет: «В своей работе ключом для анализа тенденций в русских парапозитических текстах, созданных с 1985 года по сегодняшний день, я предлагаю избрать (столь важный в эпоху перемен и несбывающихся надежд) мотив дороги, в особенности же – железной дороги. Этот мотив в мировой культуре архетипичен сам по себе. Однако в стране, на территории которой имеется самая длинная железнодорожная магистраль мира, ёмкость “путевых” метафор просто гарантирована. Тем более что культура российской державы породила многочисленные свидетельства “культы пространства”, с “Путешествием из Петербурга в Москву” во главе, а также с более современным вариантом этого произведения – с “Москвой – Петушками”. Культурное наследие русской нации монументально именно в связи с “пространственностью” культурных кодов, и уж хотя бы поэтому в русскоязычной рок-поэзии возникают темы монументальные и... железнодорожные»².

Действительно, в России многие писатели связывают свой духовный поиск, поиск своего собственного «я» с дорогой. Сами расстояния между населенными пунктами, а так же отсутствие какого-то комфорта в пути зачастую становятся поводом для того, чтобы подумать о том, о чем в обычных условиях думать или не хочется, или думать некогда.

В данной статье мы хотим предложить своё видение темы железной дороги, переставив политические и общественные потрясения последних пятнадцати лет на второй план, и рассмотреть железную дорогу в текстах рок-поэтов вне времени (хотя сложно представить литературу и рок-поэзию в частности оторванными от исторических событий, ведь поэзия чётко реагирует на любые исторические перемены мгновенно). Тема железной дороги может рассматриваться как духовные поиски, поиски себя и своего места в этом мире. Именно это и будет приоритетным в данном исследовании.

Одним из объединяющих факторов для текстов русского рока о железной дороге является то, что поезда и электрички не имеют конечного пункта точно так же, как и не имеют пункта отправления. Этот факт можно понимать следующим образом: суть любого пути (перемещения по железной дороге) состоит не в дороге из пункта А в пункт В, а в самом пути, факте перемещения.

В ленинградском роке железная дорога – это способ быть счастливее, причём не важно: остаётся ли герой один на один с собой или железная дорога приведёт его к встрече с любимым человеком.

Я вчера слишком поздно лёг, сегодня рано встал.
Я вчера слишком поздно лёг, я почти не спал.
Мне, наверно, с утра нужно было пойти к врачу.
А теперь электричка везёт меня туда, куда я не хочу.

В тамбуре холодно и в то же время как-то тепло.

В тамбуре накурено и в то же время как-то свежо.
Почему я молчу, почему не кричу, молчу.
Электричка везёт меня туда, куда я не хочу³.
В. Цой. «Электричка»

Я учился быть ребёнком, я искал себе причал,
Я разбил свой лоб в щебёнку об начало всех начал.
Ох, не хило быть духовным — в голове одни кресты,
А по свету мчится поезд, и в вагоне едешь ты.

Молодым на небе нудно, да не влезешь, если стар.
По Голгофе бродит Будда и кричит «Аллах Акбар».
Неизвестно где мне место, раз я в этой стороне,
Машинист и сам не знает, что везёт тебя ко мне.

Есть края, где нет печали, есть края, где нет тоски.
Гроб хрустальный со свечами заколочен в три доски
Да порою серафимы раскричатся по весне.
Машинист и сам не знает, что везёт тебя ко мне⁴.

Б. Гребенщиков. «Великая железнодорожная симфония»

Примеры, приведённые выше, хорошо подчёркивают, что, несмотря на весь дискомфорт и неудобства пути как такового («В тамбуре холодно и в то же время как-то тепло. //В тамбуре накурено и в то же время как-то свежо...»), всё равно факт движения остаётся выходом для человека, который ищет себя и своё место в этом мире.

Немного другое понимание пути, дороги у Бориса Гребенщикова. Истоки — те же, что и у Виктора Цоя, но если у Цоя этот путь был в «туда, куда я не хочу», то у Бориса Гребенщикова конечный результат дороги оправдывает средства: «А по свету мчится поезд, и в вагоне едешь ты», при этом какие бы мысли не занимали голову человека, всё равно важнейшим остаётся любовь, и именно встречу с любимой ждёт герой «Великой железнодорожной симфонии».

В работе Якуба Садовски «Великая железнодорожная симфония» представлена, как поиски приемлемого духовного пути⁵. Текст можно рассматривать с такой точки зрения, но наличие «конечного персонажа», до которого герой БГ точно доедет, говорит о существовании любви. Хотя само понятие «Любовь» хорошо соотносится с тезисом «Бог есть Любовь», на котором строится все христианство. Иными словами, истинно любящие люди ощущают душевную связь и ощущают неземное божественное начало в своих отношениях.

Схожие мотивы можно встретить и в поэзии московского рока. Например, у Гарика Сукачёва:

Между нами десять тысяч километров,
Всё перроны, перегоны да дожди

Горы белых облаков и стаи ветров,
Но скоро я приеду, подожди.

Там, где я, бабульки с пареной картошкой,
Там подсолнухи осыпались в кульки,
Там мохнатые окошки да лукошки,
Там палят свои сигарки мужики.

Расплескался я чайком вокруг стакана,
Стал вчерашнею газетной полосой,
Я стоянка пять минут, рычаг «стоп-крана»,
Я стал лесом, проводами да луной.

Между нами десять тысяч километров,
Утр перрона и деревень во сне,
Но уж очень скоро в сереньком конверте
Я приеду и прижмусь к тебе⁶.

«10 000 км»

В тексте описывается путь письма, который является связующим для двух любящих людей. Отношения между ними очевидны, и в основе лежит та же мысль, что и у Б. Гребенщикова: как бы ни был прекрасен мир вокруг героя (человека) и чем бы этот герой (человек) не занимался, важным в его жизни остаётся вера и надежда на то, что он встретится с близкими и дорогими людьми.

Лирический герой песни Гарика Сукачёва ощущает себя как бы «запечатанным» в конверт: «...В сереньком конверте я приеду и прижмусь к тебе». Этот важный момент подчёркивает саму надежду на «живую» встречу рано или поздно. Это же и является характерной разницей в текстах Сукачёва и Гребенщикова. Но суть одна – ожидание встречи.

Немного другое представление железной дороги и пути в целом у Андрея Макаревича:

Вагонные споры - последнее дело,
Когда больше нечего пить,
Но поезд идет, бутылка опустела,
И тянет поговорить.

И двое сошлись не на страх, а на совесть,
Колеса прогнали сон:
Один говорил: Наша жизнь - это поезд,
Другой говорил: Перрон.

Один утверждал: «На пути нашем чисто»,
Другой возражал: «Не до жиру».
Один говорил, мол, мы - машинисты,
Другой говорил: Пассажиры!

Один говорил: «Нам свобода - награда,
Мы поезд куда надо ведём».
Другой говорил: «Задаваться не надо:
Как сядем в него, так и сойдём».

А первый кричал: «Нам открыта дорога
На много, на много лет».
Второй отвечал: «Не так уж и много -
Всё дело в цене на билет».

А первый кричал: «Куда хотим - туда едем,
И можем, если надо, свернуть»,
Второй отвечал, что поезд проедет
Лишь там, где проложен путь.

И оба сошли где-то под Таганрогом,
Среди бескрайних полей,
И каждый пошёл своею дорогой,
А поезд пошёл своей.⁷

«Вагонные споры»

Атрибутика пути в тексте передана верно: с этим согласится любой человек, который когда-либо путешествовал на дальние расстояния. Этот текст перекликается с текстом Виктора Цоя «Электричка». Разница состоит в том, что электричка – это пригородный вид транспорта, а в тексте А. Макаревича речь идёт о поезде дальнего следования. В обеих песнях речь идёт о том, чем занимают себя пассажиры во время пути. Цой показал одинокого пассажира, курящего в тамбуре. Макаревич рисует картину пассажирского купе, люди в котором после выпитого вступают в полемику на философские темы. Безусловно, что само появление в тексте образа сигарет или вина может читаться двояко: как и в жизни – курить и пить можно в компании, а можно одному. Но в данных текстах показано, что у Цоя сигарета – это повод выйти в тамбур, побыть одному; у Макаревича бутылка – это повод для того, чтобы завязать знакомство. Эту мысль развивает Якуб Садовски в своей статье: «Говоря о “Вагонных спорах” следовало бы отметить также и следующее: представленная лирическая ситуация – вагонная пьянка как предлог для интеллектуальных и (по-народному) философских диспутов...»⁸.

Макаревич точно описал психологию отношений попутчиков: несмотря на то, что люди не знакомы друг с другом, они могут рассказать друг другу то, что не доверяют даже самым близким людям. И причина такой душевной близости отмечена в тексте: «И оба сошли где-то под Таганрогом, / Среди бескрайних полей, / И каждый пошёл своею дорогой, / А поезд пошёл своей».

Данным текстом объединяется несколько тезисов: «Истина – в вине», «В споре рождается истина» и «Каждый человек прав в своей правоте». Несмотря на то, что спорщики остались каждый на своей стороне, истина кроется не в предмете спора, а в том, что обе точки зрения на то, что есть жизнь, верны, ведь обстоятельства у каждого человека складываются по-разному.

У представителей уральского рока тоже есть продолжение темы, которую поднимают В. Цой в «Электричке» и А. Макаревича в «Вагонных спорах»:

Если в твоём вагоне все давно спят,
А поезд стучит запиленным мотивом
Можно выйти и покурить.
Можно даже с бутылочкой вчерашнего пива.
Можно начать игру с самим собой,
Чтобы ты увидел по ту сторону стекла
Как бы поезд не скорый, а тормозной.
Как бы чистые стёкла, а за ними весна.

Вот стоят девушки с русыми косами,
Машут нам флагами свободной Кубы.
Вот катит бочку вятский философ,
Философа жена на крыльце красит губы.
Цыгане под Буюм раскинули табор,
Цыгане поют популярные песни,
Проводник подошёл: «Не стряхивай на пол».
Ему говорю: «Глянь, как интересно».

Вот за окном громыхнули салют,
И тысячи огней возвестили народу -
Нынче в Мантурово день тутти-фрутти.
Большой такой праздник, как праздник свободы.
В сумерки нервно кудахтают куры -
Гриль-бар открывают за речкой у почты.
Мужики потянулись к дому культуры -
Там нынче кино про женщин порочных.

На пермском вокзале бродит корова,
Корова ищет первую травку.
Корове плевать на орла-постового,
Орел не получит к зарплате прибавку.
Сержант ругает корову словами,
А поезд мчится все дальше и дальше.
Мы въезжаем на станцию Шали.
Серебряный вождь нам машет руками.

А в общем-то я не люблю паровозы.⁹

В. Шахрин. «Антипаровозная»,

По тексту проходят те же цоевские сигарета, бутылка Макаревича, а так же пейзаж за окном Сукачёва. Герой Шахрина так же относиться к поезду, как и Цой – «Электричка везёт меня туда, куда я не хочу». Герой не против дороги, он против конечной точки назначения. Не важно, что связано у шахринского героя с паровозами (поездами), важно, что ему интересен сам факт пути. Причём герой обращает внимание не только большие города, но и маленькие, провинциальные городишки, которые не являются даже областными центрами (Буй, Мантурово).

Помимо всего прочего добавляется образ проводника – строгого, следящего за порядком, но герой Шахрина в нём видит не то чтобы друга, но человека, которого волей-неволей стал его попутчиком.

Образ работника железной дороги можно встретить не только в поэзии Шахрина:

Последний поезд на небо отправится в полночь
С полустанка покрытого шапкой снегов
Железнодорожник вернётся в каморку
Уляжется в койку не сняв сапогов

Посмотрит на чьё-то увядшее фото
Нальёт и закусит солёной слезой
Откроет окошко достанет берданку
И будет сшибать звезду за звездой

А поезд на небо уходит всё дальше
По лунной дороге уносится прочь
А поезд на небо увозит отсюда
Всех тех кому можно хоть как-то помочь

Железнодорожник из мятых карманов
Поношенной формы достанет на свет
Помятую трёшку железную ложку
И на отъехавший поезд билет

И когда на востоке покажется солнце
И разгонит лучами ночную тоску
Он прочистит берданку насыплет картечи
И приложит железо к больному виску

А поезд на небо уходит всё дальше
По лунной дороге уносится прочь
А поезд на небо увозит отсюда
Всех тех кому можно хоть как-то помочь¹⁰

И. Кормильцев. «Железнодорожник»

Быт и жизнь железнодорожника – безысходность. Но он сам сделал этот выбор: не использовал «на отъехавший поезд билет». Он мог бы уехать на небо («Последний поезд на небо отправится в полночь»), но небо – это надежда на лучшее, надежда на завтра, которая не по нраву железнодорожнику. Однако, несмотря на то, что направление поезда ясно (на небо), на деле поезд – не спасение от бед и душевного беспокойства, и железнодорожник, по всей видимости, это осознаёт: «А поезд на небо увозит отсюда всех тех, кому можно хоть как-то помочь». Поэтому и остался, поэтому и сделал выбор: «Он прочистит берданку насыплет картечи / И приложит железо к больному виску». Якуб Садовски в своей статье пишет о финале песни так: «Уехавший поезд соотносится с концом существования – в последнем куплете железнодорожник “прикладывает берданку к больному виску”»¹¹, что подтверждает итог сюжета.

Как видно из вышеприведённых примеров, с железной дорогой авторы рок-текстов связывают определённые надежды, она наводит на мысли, которые так или иначе волнуют поэта.

Независимо от географической принадлежности рок-музыки, железная дорога – образ актуальный для всех центров русского рока. Второй вопрос – вопрос того, что за железной дорогой стоит и что с ней связывают, – каждый автор решает по-своему.

Якуб Садовски заканчивает свою статью следующим выводом: «Железная дорога в русской рок-поэзии последних 15 лет – это один из мотивов, которые очень чётко отражают настроения в творческих средах, представляющих собой поэтический диагноз действительности. Будем надеяться, что уже вскоре рок-поезд найдёт свой духовный паровоз, что возглавляемый этим паровозом состав выйдет напрямую, что он не станет оставлять кого-либо на перроне, что пассажиры будут симпатичнее, да и вид за окном никого уже не напугает...»¹².

Можно согласиться с этим выводом. Тема пути, железной дороги – это синоним, прежде всего, духовного поиска, который необходим каждому человеку, а творческим людям, поэтам, тем более. И дело не только в непонимании слушателями того или иного материала, предлагаемого автором, или в отношении общества к автору. Дело еще заключается в том, чтобы найти себя в этом мире, занять свою достойную нишу.

Именно сам момент поиска, исканий себя в этом мире связывается с понятием пути так как такового.

¹ Садовски Я. Железная дорога в русской рок-поэзии перестройки и постсоветского времени // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Тверь, 2000. – Вып. 4. – С. 29 – 35.

² Там же. С. 30 – 31.

³ Виктор Цой. Звезда по имени Солнце: Стихи, песни, воспоминания. – М.: Эксмо-пресс, 2002. – С. 32

⁴ БГ. Песни. – М.: Нота-Р, 2002. – С.381

⁵ Садовски Я. Указ. соч. С. 33.

⁶ Гарик Сукачев. Там, где кончается дождь. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – С. 142

⁷ Андрей Макаревич. Семь тысяч городов: Стихи и песни. - М.: Эксмо-пресс, 2004. - С. 146

⁸ Садовски Я. Указ. соч. С. 33.

⁹ Поэты русского рока: Илья Кормильцев, Вячеслав Бутусов, Дмитрий Умецкий - С-Пб.: Азбука- классика, 2007. - С. 232

¹⁰ Сайт группы «Nautilus pompilius» [Электронный ресурс]– Режим доступа: <http://www.nautilus.ru>

¹¹ Садовски Я. Указ. соч. С. 34.

¹² Там же. С. 35.

© Е.А. Гидревич

Г.В. ШОСТАК

Брест

«РОК'N'ROLL МЁРТВ, А МЫ – ЕЩЁ НЕТ»:

АЛЕКСАНДР МИКИТЕНКО И РОК-ТРАДИЦИИ 1980-х ГОДОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ АЛЬБОМОВ ГРУППЫ «ИСТОК»)

В ряде статей, опубликованных на страницах сборника «Русская рок-поэзия: текст и контекст», творчество отечественных рок-поэтов нового поколения рассматривалось с точки зрения преемственности с предшествующей рок-культурой¹. В конце XX – начале XXI века из рок-подполья постсоветского пространства вышли на свет Божий многие и многие интересные авторы, «молодая шпана», тем не менее, опровергающая мрачный прогноз Бориса Гребенщикова: традиции, заложенные отечественными рокерами в 80-е годы, обретают новое дыхание. В то же время в творчестве рок-поэтов нового поколения происходит переоценка ценностей: многие идеалы 80-х годов подвергаются ироническому или трагическому переосмыслению. Наглядный тому пример – творчество Ермена Анти («Адаптация»), Константина Арбенина (экс-«Зимовье зверей», «Сердолик»), Вени Д'ркина, Жели, Алексея Летуновского («Ливень»), Александра Непомнящего, Алексея Фомина («Министерство любви»), Александра Микитенко («Исток») и др.

В 2001 году молодой одесский музыкант и поэт Александр Микитенко создал акустический дуэт «Исток». Через некоторое время состав группы расширился. В 2009 году Александр переехал в Санкт-Петербург, но свою группу предпочитает позиционировать как одесско-питерскую. На сегодня «Исток» записаны четыре альбома, из них два акустических – «Эй!» (2003) и «Я (Романтика)» (2004)², два электрических, записанных полноценным составом – «Исток» (2007) и «Выдохновение» (2010). Акустические альбомы тиражировались под неофициальным лейблом «Чевенгур records» из г. Шахтёрска (Донецкая область); электрический альбом «Исток» выдержал два официальных издания: в 2007 году в Киеве на фирме «Rostok Records», в 2008 – в Петербурге в качестве CD-приложения к журналу «Fuzz»; «Выдохновение» пока не издано и распространяется путём копирования и через сеть Интернет.